

НЕ ПЕЙ, КОЗЛЕНОЧКОМ СТАНЕШЬ

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

Наталья Егорова

Не пей, козленочком станешь

«Издательские решения»

Егорова Н.

Не пей, козленочком станешь / Н. Егорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931336-2

Отдохнуть от городской суеты? Да запросто. Взять отпуск на работе и рвануть в деревню к бабушке? Как не фиг делать. Взять с собой лишь небольшую сумку со шмотками и «сесть в лужу», потому что задержать придется дольше? Вполне в моём стиле. Хотите почитать мою историю о том, как меня клюнул в задницу петух Акакий, как меня чуть не забодал баран и я заработала вывих шейного отдела, наблюдая за красавчиком соседом? Тогда «веллкам» к нам, в деревню «Зеленушки».

ISBN 978-5-44-931336-2

© Егорова Н.
© Издательские решения

Содержание

...БоБро пожаловать в «Зеленушки»...	6
...Первый парень на деревне...	10
...День первый...	14
...Просто переключить канал...	17
...Сиротки...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не пей, козленочком станешь

Наталья Егорова

Дизайнер обложки Надежда Крылова

© Наталья Егорова, 2018

© Надежда Крылова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1336-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...БоБро пожаловать в «Зеленушки»...

Вот как? Как такая милая, скромная, безотказная, любящая всех и вся, девушка, как я, может отказать любимой бабуле? Тем более, если бабуля сама просит приехать?

Отдохнуть от городской суеты? Да запросто.

Взять отпуск на работе и рвануть в деревню к бабушке? Как нефиг делать.

Взять с собой лишь небольшую сумку со шмотками и «сесть в лужу», потому что задержаться придется дольше? Вполне в моём стиле.

Хотите почитать мою историю о том, как меня клюнул в задницу петух Акакий, как меня чуть не забодал баран и я заработала вывих шейного отдела? Тогда «веллкам» к нам, в деревню «Зеленушки».

...

– Тебе действительно очень нужно туда ехать? – спросил Саша, взглянув на меня поверх очков.

– Да, – твердо кивнула я, – Ты же понимаешь, что мне надо посмотреть своими глазами на дом и участок, чтобы представлять, что я собираюсь выставить на продажу, – в сотый раз говорила я ему.

Сашка с умным видом читал газету, сидя в темно-синем кресле напротив окна, а я собирала небольшую сумку со всем необходимым, чтобы отправиться в деревню под громким названием «Зеленушки». Взглянула мельком на него и усмехнулась. Он жутко напоминал какого-то грозного ученого, в этих очках и газеткой... отвлеклась.

Моя горячо любимая бабуля, вдруг, решила продать собственный дом и перебраться к маме, то бишь к своей дочери в город. Для нас с мамой это стало событием века, потому как на протяжении нескольких лет не могли сговорить её решиться на это.

Бабуля всю жизнь прожила в этой деревне и что сподвигло старушку податься в город, оставалось тайной покрытой мраком. Мы с мамой не особо верили в то, что это просто так. Возможно, ей стало просто тяжело управляться с участком, ведь ей не много ни мало, а семьдесят восемь лет.

– Ты звонила ей? – спросил Сашка, снова взглянув на меня поверх очков, а я вновь хихикнула, перед глазами так и стоял это арт с ученым в очках.

– Да, мы созванивались утром, – кивнула я, посмотрев на часы на руке, – Два часа, пора ехать, – я застегнула молнию на дорожном саквояже.

– Давай помогу, – горячо любимый мною, будущий муж, встал и ловко ухватился за ручки сумки, потащив её в прихожую.

– Ты туда кирпичей накидала что ли? – с сарказмом хмыкнул, тараканя мою дамскую «сумочку».

– Ага, вдруг пригодятся отмахиваться от местных парней, – с счастливой улыбкой кивнула ему в ответ, – Иди давай.

Нацепив сланцы, схватив ключи от своей «рухляди» и резво поскакала за Сашкой.

На улице начало июня, погодка радовала солнышком и жарой.

Сашка уложил мою сумку в багажник, а я села за руль своей старой черной «пятнашки».

– Позвони как приедешь, чтобы я не волновался, – попросил он, заглядывая в окно.

– Обязательно, – кивнула ему с улыбкой.

Сашка наклонился в салон и припечатал на моих губах легкий поцелуй.

Два часа тринадцать минут на моих «Кассио» и я поспешила на встречу к бабуле.

Включила музыку и рванула вперед.

Водитель из меня некудышный. По городу я вожу осторожно, следя за каждым знаком, этаким «ботан» с широко распахнутыми глазами, лбом в лобовое стекло, судорожно сжима-

ющий руль. Зато на трассе я «шумахер». Машин мало и можно позволить себе сойти с ума, громко подпевая, льющейся из динамика, «Habibi» от Maitre Gims. Сказать проще, лихачу там, где встретить можно только трактор и то, один на сотню километров.

Мухи в лобовое, водители, которые с интересом заглядывали в мою машину, обгоняя меня. Наверное прикидывали, что за камикадзе за рулем. А я такая, красивая. Волосики по ветру развиваются, рука по локоть «на улице», а ладошка такт по дверце отстукивает. Ну, не это ли счастье на полупустой трассе?

На сельскую дорогу с ухабами я съехала спустя два часа.

Свернула с трассы на право и оказалась в живописном зеленом коридоре. Извилистая дорога в чаще леса, как нельзя кстати. Вдохнула воздух полной грудью, почувствовала, как расправляются легкие, наполняя тело природной силой. Потрясающе.

Машинка резво подпрыгивала на ухабах, а я матюгалась на каждом таком прыжке, опасаясь, что моя голова всё-таки долбанется об потолок салона.

– Хать...эээть...уууух...бл... бл... бл..., – звонко причитала я, ухая на ямах, подпрыгивая на пружинном сиденье.

Проехав лесок, оказалась на огромной поляке с одуванчиками. Огромные поля, а за ними дикий, нетронутый лес. Раньше, когда я была маленькой, я представляла, что в этом лесу живет леший. Такой большой дядька, в бородавках, с длинной бородой и спутанными волосами, в которых свили гнездо птицы. Ох, и не говорите ничего. У меня бурная фантазия.

Эх, одна красивая картинка, сменялась другой, еще более красивой. Засмотрелась и снова попала в яму колесом, на этот раз шибанулась головой об пластиковый поручень над дверцей. И, растирая шишку, рванула дальше.

В небольшой деревеньке «Зеленушки» стояло сорок шесть маленьких домиков и восемнадцать деревянных двухэтажных, таких же развалюшек. Хотя нет, я вру, большая часть домиков была с очень ухоженными, красивыми участками и строениями. Некоторые были запущены и считались пустырями.

Основной житель тут был этаким пенсионер на пенсии. Бабульки, да дедульки. Прям санаторий «кому за...», а не деревня. Летом это селпо оживало, наполняясь нескончаемым потоком детей, внуков и правнуков. Счастливые бабушки и дедушки, светились любовью и заботой, ловя грязных сорванцов на дорогах. Прелесть была в том, что здесь практически не было машин на дорогах (да и дорогами эти тропы не назовешь), просто рай для малышни, которых сбагрили, «на лето к бабушке в деревню», родители.

Когда-то я гоняла сюда. Помню, как ловила головастика в озере. Ловила бабочек. А в дождь плюхалась в луже у дома.

Остановила машину у захудалого забора, который вот-вот свалится, и вышла из машины. Домик всё такой же. Правда он постарел, как и бабуля.

Ох бабуля. Баба Тася не давала мне спуска, гоняя меня вицей по огороду, правда не была никогда, лишь пугала. М-да, в детстве, я была еще тем сорванцом, а если ещё и после грязной лужи, то вообще фиг поймешь парень или девка перед тобой. Стригли меня всегда коротко, под мальчишку (да и сейчас я не любитель длинных волос, хотя ради своего парня отрастила до лопаток и это максимум, на который я способна), а по характеру я была ещё той... помню, как мне прилетело от барана, которого я дернула за хвост. Эта дрянь бежала за мной метров сто, пока я не махнула через забор на свой участок, а он с размаху влетел лбом в калитку. До сих пор их боюсь...

– Рада! – услышала я голос бабули, которая ловко выпорхнула их дома.

И не скажешь ведь, что ей семьдесят восемь. Вон как быстро ногами переставляет... вот что значит свежий воздух, да еда с огорода.

– Мира, ба... я Мира, -хихикнула я, обогнув машину, направляясь к багажнику за вещами, – Меня сто лет Радой не называли.

– Мне плевать кто и как тебя называет, для меня ты всегда Радой была, а мать твою, мать твою, пусть зовет тебя как хочет, – фыркнула она.

Я шумно вздохнула с улыбкой глядя на бабулю. Далее последовали крепкие объятия от «бабы Таси», а ведь и не скажешь совсем, что ей прям очень тяжело.

Она стала ниже ростом (или просто я слишком выросла и давно тут не была), множество морщинок пробороздили её милое улыбочное личико, цвет глаз стал бледнее. Густая копна белых волос, всё так же, заплетена в тугую косу и сложены нехитрым «гнездышком» на макушке. Но, черт возьми, это нисколько не портило общей картины. Она всё такая же бойкая, шустрая и на удивление крепкая.

– Давай, шмотки бери свои и чопай в дом, а потом покажу тебе всё, – скомандовала она, махнув рукой на крыльцо.

Что я и сделала. Достала сумку и проследовала за ней.

Расположение грядок не изменилось. Вдоль забора все так же росла черноплодка, а за ней большая полянка, покрытая газонной травкой. На полянке столик и уличные качели, такие знаете, зеленые с подушками на сидухе с небольшим тентом, что прикрывает от солнышка. Рядышком и пара длинных скамеек для неожиданных гостей.

Неподалеку от газона росли цветы. Бабуля любит цветы и выращивает разные сорта и с первого взгляда кажется, что у нее не огород, а цветочная оранжерея.

Но первый взгляд обманчив, да-да. Всё основное кроется за домом. Участок там еще больше. И вот там то и растет всё то, что перепадает нам с мамой, когда огородный сезон закрывается.

Небольшой парник с помидорами, рядом такой же с огурцами. И восемь участков ровной прямоугольной формы, на которых, я так понимаю, начинает проклевываться свекла, морковь, капуста и прочий полезный и витаминизированный силос.

Плюс ко всему этому великолепию покосившаяся баня и летняя кухня.

Мы были уже на крыльце, когда я, заглянув на задний двор, с сомнением в голосе выдала:

– Ба, твоя баня скоро развалится. Как ты не боишься туда ходить, а?!

– Моя баня тебя переживет, – проворчала она, махнув рукой, – И нечего каркать мне тут. Заползай в дом, сумки ставь свои. Я сейчас чайку с вареньем сварганю и на улочку пойдем. Погодка ишь как разгулялась, –весело подмигнула она.

Я сбросила сумку, в якобы гостиную и, сбросив сланцы, уселась на кухне. Закинула ноги на скамью, играя пальчиками, разглядывала педикюр.

Дом у бабы Таси был большой. На первом этаже располагалась совмещенная большая комната и кухня. Тут стоял большой обеденный стол прямоугольной формы со скамьей по периметру, небольшой диванчик у окна. А на кухне скромный гарнитур не первой свежести, но выглядел чистенько и прилично. Газовая плита на две комфорки. Тут же большая русская печь, которая была своего рода перегородкой, разделявшей «кухнегостинную» и спальню. А спальня у бабули была шикарной. Двухспальная кровать и плоский телевизор на тумбе напротив. Второй этаж был попроще. Там стоял диван и еще одна двухспальная кровать. А бабуля то ничего такая, да? Две двухспалки это вам не хухры мухры. Вообще обе двухспалки переехали к ней от родителей. Первая, та, что на втором этаже... ну она у моих родителей первая была. А бабуля, человек бережливый и выкидывать запретила. Вторая, та, что у неё в комнате, была куплена моими родителями в замен первой. Но и она сюда перекочевала, когда отца не стало, мама просто отдала её бабуле, а себе купила новую, поменьше. К слову, после смерти отца, сюда перекочевало много мебели, которую мама оставлять не хотела.

И везде, на полу, горячо любимые мною деревенские половики. Знаете, те, которые шьют сами их старых обрезков тканей. По ним до жути приятно ходить и они всегда теплые. Правда, родные и теплые. Наверное, потому что сделаны своими руками.

– Надо Сашке позвонить, – вспомнила я, доставая телефон из джинсовых шорт.

– Ты всё с этим своим?! – снова пробубнила недовольно бабуля, ставя чайник на газовую плиту.

Да-да, на газовую плиту. А вы что думали? Что тут готовят в печке и прядут овечью пряжу при лучине? Боже упаси. Бабуля моя, мало того что покупает баллоны с газом для своей двухкомфорке, так оказалось, что у неё еще и «тарелка» установлена с кабельными каналами. Во живет, а!

Интересно, а кто ей купил и привез её?

– Мать твоя говорит, что хороший мальчик, – продолжила бабуля.

– Ба, ему тридцать четыре года, какой он мальчик, – хихикнула я, слушая гудки в трубке.

– Мне семьдесят восемь, все особи мужского пола, что младше меня, мальчики с молоком на губах, – подытожила она, доставая трехлитровую банку с клубничным вареньем из холодильника.

– Приехала уже? – услышала я Сашкин голос в трубке.

– Да, – кивнула я, – Ты уже соскучился? – мне нравилось с ним заигрывать, флиртовать.

Правда парень у меня скупердай на проявление каких-либо сильных эмоций. Но я привыкла, хотя раньше меня это жутко бесило. На мой флирт он не особо реагировал, но и против ничего не говорил. Так и живем: шило в заднице и директор фирмы по установке дверей. Весело, блин.

– Конечно, – согласился он, а в голосе никаких эмоций.

– Ага, поверю, – хихикнула я, – Ладно, мы собираемся пить чай, – быстро проговорила я, глядя на бабулю, – Завтра созвонимся.

– Хорошо, – согласился он, – Отдыхай.

– Люблю тебя.

– Люблю тебя, – ответил он и я отключилась.

...Первый парень на деревне...

Ступая босыми ногами по прохладной траве, подумала:

– Ну не счастье ли? Солнышко светит...

А сама тащу поднос с чашками и чайником... по сторонам смотрю. А сама всё думаю:

– Хорошо. Даже дышится тут легко. И никаких тебе лишних звуков от бесконечного потока автомобилей, никаких рекламных объявлений, доносящихся из магазинов. Никакой толпы, вечно бегущей по своим делам с кислыми лицами... никакого смога и запаха от завода, что стоит на окраине города... красота... птички поют... бабочки летают... солнышко светит... парень полуголый стоит у машины.

Стоп?!

Остановилась, открыв рот.

– Чего зависла?! – гаркнула бабуля, выходя на крыльцо, – Топай давай.

Стою, а глаза так и косят в сторону. Потому что в момент, когда крикнула бабуля, этот... хм, индивидуум, стоящий через дорогу, у машины, как раз, зацепившись рукой за ворот футболки, одним махом стащил ее с себя, обнажив катастрофически красивый торс. Да за парня с таким торсом, моя подруга убила бы.

Светлорусый ёжик волос, в хаотичном беспорядке торчит на его макушке. Загорелая кожа лоснится от жары, а эти мышцы... святые гормоны, да что ж вы делаете со мной?! А?! Была бы главным редактором «PlayGirl» на обложку бы его поместила... и на разворот... и даже запах бы его на страничку, чтоб потёр и чувствуешь... Ох, мать моя.

– Ба, – отдернула я её, шикнув, и в этот момент он поворачивается и встречается взглядом со мной, разжигая моё, из без того, запредельное любопытство.

Бабуля проследила за моим взглядом:

– О! – крикнула она громко, обращаясь к парню, – Доброе утро Матвей! – махнула ему свободной рукой и подняла вторую с вазочкой полной варенья, выплеснув ягодку на траву, – Чаю хочешь?

Стоит далеко, не могу разглядеть, он улыбается или просто ухмыльнулся...? Покачал отрицательно головой.

– Ну как хошь, – пожала она плечами и продолжила путь ко мне, подтолкнула_ Садись давай, чего вылупилась-то?!

– Ба, а это кто? – спросила её, протянув последнее слово.

Нет, ну правда. Ну неужели вы бы не поинтересовались, а?

НЭТ, у меня есть парень, я ему верна и ни на кого не засматриваюсь!!! – слышу я женские мысли.

Ой а, ладно. Будем честными. Засматриваемся... ага-ага. Не так явно конечно.

Нет, он любимый, милый и дорогой, конечно лучше всех на свете, но просто посмотреть и поинтересоваться то никто не запрещает, правда?

А у меня уже свербило в правом полупопии от интереса:

– Матвей, приехал сюда в начале марта, в отцу, вот и остался здесь.

– Молодой, красивый парень... чего он тут забыл-то? – удивилась её ответу, взглянув на неё в недоверием.

– А поди ж ты разбери их, молодых, – пожала она плечами, разливая ароматный чай.

Прям всё, как я «люблю». Прикусила губу, поскрипывая зубами от того, что бабуля, закинув по ложке заварки в чашки, залила всё это добро кипятком.

Мало того, что кипяток в жару ещё тот напиток, так еще и эти набухшие листья в чашке, которые я терпеть не могу. Ну вот почему нельзя залить всё в заварничек красивый, с ситечком,

и подать на стол, а?! Так нет, же, спустя минут десять я уже сидела и вылавливая ногтем эти лапухи из чашки.

– Ну чего ты там колуешь?! – гаркнула бабуля, заглядывая в мою чашку.

– Как ты пьешь это, а? – проворчала ей в ответ, ловя очередной лист мизинцем, – Это салат в воде, а не чай.

– Баб Тась, бензин есть?! – услышала я и вздернула голову в сторону забора.

– Че пилить собрался? – поинтересовалась бабуля.

А я с интересом разглядываю парня, который даже не смотрит в мою сторону.

Стоит, опираясь ладонями в рабочих перчатках о дощатый покосившийся забор.

Вьющиеся русые, коротко стриженные волосы. Вытянутое лицо с пухлыми губами и огромными карими глазами, в обрамлении черных ресниц и широких ровным бровей. Ей богу картинка, а не парень. Эх, Милке бы его.

– Дрова привезли раньше времени, – пояснил он, всё так же не глядя на меня, – Думал, успею скататься на заправку, да не получилось.

– Ща, – бабуля ловко подскочила и улетела за бензином.

А я удивилась в сотый раз тому, как резво она передвигается, огибая препятствия на пути.

– Привет, – услышала его и повернула голову, встретившись с взглядом карих глаз.

А он еще и улыбнулся, опустив глаза и снова вскинув их на меня. Не, ну это коронный приём всех особей мужского пола. Этаким, заинтересованным парень глядит на тебя своим неподражаемым «из под бровей» взглядом.

– Привет, – широко улыбнулась ему, – Ты Матвей? – я даже поспешно привстала, протягивая ему ладонь, – А я Радмира.

– Приятно познакомиться, Радмира, – улыбнулся он, стянул рабочую перчатку с руки и пожал мою ладонь.

Прикосновение крепкой мозолистой руки к моей... хм, необычное ощущение. Ну, учитывая тот факт, что я живу с Сашкой и веду моногамный образ жизни то, к моей ладони не часто прикладываются особи мужского пола. Отвыкла я, да.

– Красивое имя, Радмира, – решил он поддержать разговор.

– Да, – кивнула ему в ответ, – Бабуля зовёт Радой, а мама Мирой, так и живем.

– Я буду звать тебя Радой, не против?! – полуулыбка на его лице, а я мысленно составляла смс Милке, с описанием этого «образца» для её коллекции.

– Иди сюда! – гаркнула бабуля, выходя на крыльцо, – Тара то есть у тебя?

– А как же, – кивнул он, подняв в руке маленькую пластиковую канистру.

– Ну и чего ты встал, как истукан? – снова просила она, с укором взглянув на парня.

Обменявшись бензинчиком и благодарностями, парень скрылся, кинув мне на прощанье:

– До встречи.

– До встречи, – кивнул ему в ответ, глядя в след удаляющейся фигуре.

Да, не скрою того факта, что парень симпатичный и я могла бы петь оды в честь его красоты неземной целую неделю, причем не разу не повторившись в прилагательных восхваляющих его. Но тут промах. В моей судьбе уже есть один герой, оды которому я пою до сих пор. Правда Милке он не особо нравится в силу скудности его эмоционального фона, но меня, признаться, это мало волновало. Поэтому сидим на попе ровно дамы, я не собираюсь бежать за ним следом, сбрасывая трусы на ходу.

Ближе к ночи, устроившись на уютной кровати на втором этаже, я набрала Милку:

– Привет, – бодро поздоровалась я, прислушиваясь к своему голосу, а точнее к его громкости.

Для меня время еще детское, а вот бабуля в эти двадцать два двадцать уже видела десятый сон.

– Привет, – весело отозвалась Людмила, – Как комары в деревне? Не сожрали тебя еще?

– Жрать во мне нечего, – в тон ответила я ей, – Как твои дела?

– Пока не родила, – хихикнула она, – Рассказывай, что интересного.

– Людка, тут такой мачо местного розлива ходит, причем по соседству, ты бы руку отдала на отсечение, чтобы стать его женой, – воодушевленно начала я.

– Серьезно? – ахнула подруга, м-да, поднять и возбудить её интерес проще простого.

– Фотку кинь мне в «ватсапе».

– Какая фотка Люд, – протянула я, – Я его видела два раза, первый издаleка, а во второй он пришел попросить бензина у бабули. И когда мне его фоткать?

– А прям сразу надо было, – хихикнула она, – Как только подошел, так ты тут же телефон в руки и ему команду «Стоять, не двигаться, фото фас, профиль и отдельно грудные мышцы!».

– Идиотка, – рассмеялась я.

– Рассказывай что за экземпляр, горячий?

И дальше беседа потянулась монотонно. Людка спрашивала о нём во всех подробностях, а я только отвечала не упуская ни одной детали.

– Эх, – вздохнула она громко, – Жаль только, что я не местная Марфуша с длиной косой и в сарафане, боюсь, что такая, как я ему не по вкусу придется.

– Зря ты ярлычок на себя повесила, – покачала я головой.

Мы поговорили еще пару минут, обсудили последние новости и распрощались на добром слове. Я улеглась в кровать, раскинув руки и ноги на манер «снежинки», наслаждаясь прохладным вечером, оставившим свой след на свежей белой хлопчатой простыни. Кайф да и только.

Только вот сон ну никак не шел, как бы я не пыталась уснуть.

Проворочавшись из стороны в сторону, поняла, что это мука для организма, поэтому степенной походкой снайпера в лесу, стараясь издавать как можно меньше звуков, спустилась на первый этаж и пошла на кухню. Налила себе наивкуснейший бабулин морс и направилась на улицу...

Думаете в деревни тишь да гладь? В субботу вечером, точнее ночью!? Seriously?

А что вы вообще знаете о деревнях? Похоже ничего... как и я.

Время около одиннадцати часов, стрелочки неумолимо двигались к полуночи, а я на диванчике на качелях в бабулиной трикотажной кофте темно-синего цвета (поясняю, сливаюсь с ночью... маскируюсь так сказать), шпиону за людишками на улицах.

Подростки, приехавшие к родственникам, уже оккупировали бревна неподалеку от нашего дома и живо обсуждали последние песни Элджея, включив её на телефоне.

– Девочки, видели красавчика, который у Иваныча живет теперь? – услышала я девичий голосок и наострила ушки, ох и забавненько это – слушать эти разговорчики.

Сижу улыбаюсь, прислушиваюсь и морсиком через зубы шваркаю.

– Боже, он такой красавчик, – протянула вторая на «взрослый» манер.

Хихикнула. Против такого аргумента и не возразишь ничего. Но нет же, эти... девочки... девушки... господи, да им лет тринадцать-четырнадцать... а они:

– Блин, девочки, я его как без футболки увидела, ей богу чуть из шорт не выпрыгнула! – ответила третья.

– Да, у него шикарный торс, мышцы и всё такое. Так бы и пощупала, – согласилась вторая.

А я понимаю, что моё лицо начинает пылать со стыда, будто меня застали за выщипыванием усиков. Seriously!

Какие же они теперь развитые, эти подростки.

– Если б не Васька, то я бы занялась им, – сказала первая, кажется мне, она была более опытная из них троих.

– Та что тебе мешает, Васька через пару дней свалит из деревни, вернется только через пару недель, – отмахнулась третья, – Бери его, тем более что у меня Денчик приезжает послезавтра.

Дальше я уже не вслушивалась в разговор, потому что пылало не только моё лицо, но и уши.

– Не спится? – услышала я и вздрогнула, выронив чашку.

– Господи, – икнула с испугу наклоняясь за чашкой, – Подкрался, как партизан... чего пугаешь-то так?! – прошипела ему в ответ, боясь, что девчонки с брёвен меня услышат.

– Увидел, что сидишь тут одна. Решил подойти, вдруг чего нужно, – пожал он плечами, как и днём, опираясь руками о забор.

Правда сейчас он был без перчаток, а я успела заценить форму пальцев. Красивые, длинные, музыкальные... так и представила, как они по клавишам пианино бегают. Красиво.

– Если девушка сидит одна на качелях, с чашкой в руках и наслаждается свежим воздухом, это не значит, что у неё что-то случилось, – выдала ему в ответ, заметив, что «брёвна» тоже затихли, слушают засранки.

– Ну извини, если помешал, – ухмыльнулся он и махнув мне рукой, направился к своему дому.

Ишь какой вежливый и внимательный, аж сам подошел... Но приятно. Ведь просто так, по-человечески, подошел спросить не случилось ли чего. Ну много ли людей на это способно, а? Думаю, нет. Этим то и отличается маленькая цивилизация с несколькими десятком домов. Тут все друг друга знают, здороваются с утра, рассказывают новости и бегают в гости на чай или за солью. А если уж, не дай бог, случилось чего, то помогают почти всей деревней. Это классно. Маленький «организм», который дышит в унисон.

...День первый...

...Душевые страсти, здрасьте...

Проснулась от громкого петушиного крика. То самое «ку-ка-ре-ку» спозаранку заставило меня почти подпрыгнуть на кровати. И это меня то? Человека, который рос в городе. В большом мегаполисе с вечными пробками, громкими криками, рекламами, которые призывали купить чудо кроссовки. Мегаполисе, где каждое утро сигналы автомобилей не могли разбудить меня.

А тут пресловутое:

– Ку-ка-ре-куууууу! – словно в ухо клюнул, гад.

Распахнула глаза с испугу, потерла щеки, чтобы разогнать еще спящую кровь. Мой организм спит, блин. Он спит. Так какого хрена этому петуху приспичило орать с утра пораньше.

Перевернулась за живот, кряхтя от злости, и распахнула окно прямо над своей головой.

– Радка, ты чего не спишь? – гаркнула резвая бабуля, которая уже бодрячком носилась по участку.

– Ба, давай его на суп пустим? – протянула я скрипучим голосом.

– Кого? – с удивлением в глазах остановилась баба Тася.

– Петуха этого, -пояснила ей, – А то ишь как горланит с утра, спать не даёт.

– Та бог с тобой, – отмахнулась она и продолжила свой путь, – Акакий Христофорович, парень молодой. Хочется ему горланить, пусть горланит. Чем он тебе мешает-то?

А я впала в ступор...

Акакий, блин, Христофорович. Клянусь, именно это я и услышала от бабушки.

Мне не послышалось? Она реально назвала этого обдерганного петуха Акакий Христофорович.

Мне даже спать расхотелось. Seriously. Поэтому я соскочила с кровати, натянула шорты и майку и спустилась вниз.

– Сбегай к соседям, пока я кур покормлю, – велела бабуля.

Черт, я словно вернулась обратно в свои восемь лет. Как сейчас помню, как она гоняла меня то к одним соседям за яйцами, то к другим за молоком.

– Дай угадаю, – прервала я её, – За яйцами?

– На кой хрен мне яйца? – выдала она, – Свои куры есть, – ткнула она пальцем в несушек, мирно расхаживающих в небольшом вольере у курятника.

– За молоком? – спросила я снова, усаживаясь всё на ту же скамейку за стол.

– Да, – кивнула она, – Чего уселась-то? Завтрака не будет, пока молока от Иваныча не принесешь.

– От Иваныча? – не поверила собственным ушам.

– От него, – вроде бы удивилась бабуля, но меня не проведешь.

– Хочешь столкнуть меня с его внуком, да?! – прищурилась я, стараясь разгадать бабулин замысел.

– Матвей уехал с утра пораньше куда-то.

– А сколько вообще времени? – спросила я, пытаюсь вспомнить куда сунула свой телефон.

– Восемь утра, ты все проспала. И как ты только умудряешься столько спать, я с половины шестого уже на ногах, – укорила она меня.

Ну а я то чего? Мне даже обидно стало.

Рабочий день у меня начинается вообще с девяти, так что я сплю много и меня это устраивает. В выходные вообще могу проспять до обеда и это нормально. Я же не виновата в том, что у них в деревне принято соскакивать ни свет ни заря, чтобы накормить весь этот питомник с курами, козами, кроликами и прочей утварью.

– Ну так чего сидишь-то? – снова гаркнула бабуля, – Иди давай. Быстрее... быстрее, – поторапливала она меня.

Пришлось шлепать. Натуральным образом шлепать.

Ступая босыми ногами по смеси из песка и земли, выпуская мелкие клубы дыма, я кайфовала от каждого шага.

Кожу на ногах испортишь, ненормальная, – говорит мне всегда Милка.

Крем – наше всё, – отвечаю я ей обычно.

Я уже перешла дорогу и направлялась к дому Ван Ваныча, как звала я его в детстве. Милый, забавный старикан, который жутко любил пошлые анекдоты и доставал ими мою бабулю.

– Ван Ваныч! – гаркнула я ступая на крыльцо, – Дома?

– Дома! – крикнули мне в ответ, – Заходи давай!

Осторожной поступью иду, поднимаясь по красивым новым ступенькам. Крыльцо явно было недавно отремонтировано. Неужели этот герой Матвей тут так старается? Интересно даже кто он такой и зачем сюда приехал? А может, как я, приводит дом в порядок для того, чтобы выставить его на продажу?

Обстановка в доме ни капельки не изменилась. Стоило только переступить порог, как оказываешься в большой просторной прихожей. Тут тебе и тумба, чтобы сесть и в неё же сложить лишнюю обувь. И огромная панель с крючками для одежды. Прямо располагалась просторная кухня, а по обе стороны от неё комнаты: гостиная и спальня. На втором этаже, насколько я помню, как и у бабули, располагалась спальня.

Делаю несколько шагов вперед, идя на голос деда Ивана, и вижу этого старикана сидящего за большим столом у окна, с незажжённой сигареткой в зубах.

– Бросаете? – кивнула я на сей элемент у него во рту.

– Ага, – кивнул он, – Тебя Тася за молоком послала? – спросил он, выглянув во двор через окошко, услышав подъезжающую машину.

– О, Матвей приехал, – сказал он, поднимаясь, – На своё молоко, Дуся с утра в настроении, – подмигнул он мне, говоря, скорее всего о козе.

– Спасибо, – кивнула я.

– Ты садись, в ногах правды нет, – я уселась напротив окна, сжимая литровую банку в руках, – А ты чего приехала-то? – спросил он, – Надолго?

А в это время, внук Матвей, будучи в рваных старых джинсах и какой-то старой дряхлой футболке, направлялся в сторону... о даааааа, предвкушайте дамы... в сторону кабинки, огороженной шторкой для душа. Сия кабиночка находилась прямо напротив окна, в котором и торчала моя моська... причем уже явно краснеющая.

Сажу, сжимаю пальцами запотевшую банку с холодным молоком. Слышу гул в ушах от голоса деда Ивана, а сама наблюдаю за внуком. Глаз отвести не могу.

А он, уверенной походкой, даже не оборачиваясь на окно, проходит мимо нас и в сторону, значитца, той самой кабинки.

Снимает кепку, проводит рукой по волосам, вытирая пот со лба. Останавливается у кабинки. Кепку закидывает на гвоздь, торчащий на одной из балок. Следом хватается за ворот футболки и махом стягивает её с себя.

– О блин, – выдал Иваныч, – Опять он в своих затычках, хоть бы голову повернул, – и дед даже приподнялся, чтобы побыстрее остановить красавца внука.

Моё либидо, тем временем, орет громко и с надрывом, чтобы дед сидел на месте, а Матвей продолжал это представление. Мой взгляд просто прилип к идеальному телу парня. Загорелая кожа отликает бронзой от пота и буквально блестит. Руки, испачканные местами, просто мечта... а... задница... господи иисусе.

В ушах уже не шумит, а звенит... от его ремня, который он расстегивает и стаскивает джинсы, закидывая их туда же на балку, где висит футболка.

Дыхание частое, прерывистое, и кажется легкие уже свистят на выдохе от картины «маслом»...ан нет, это не у меня свистит. Это дед Иван, свистит громко, чтобы заставить внука слышать его. Но парню хоть бы хрен.

И я таки поняла в чем дело, в него ушах мелькнули две точки. Два bluetooth – наушника, вот почему он стащил футболку так легко и не слышал нас, наушнички то без проводов...

Так, он в плавках, это радует... хотя... Моё второе «я», сейчас, сложило ручки на груди, задумчиво глядя вверх... радует ли?!

А он, тем временем, зашел в кабинку и открыл краник, сверху из еврокуба полилась вода. Вот, понимаю теперь Милку, которая говорит:

– Убила бы за то, чтобы увидеть это в живую, – когда в каком-нибудь фильме эффектный молодой актер раздевается на камеру.

Струйки воды текут по его волосам, потом по лицу, плавно огибают грудные мышцы, скатываясь вниз по упругому животу.

Господи! Да за что мне это всё... а слюна из моего рта уже плавно стекает до колена.

А он еще и мыльце взял... душистое наверное...

И тут дед Иван, как свистнет во всю силу. А Матвей резко голову поднимает и мы встречаемся глазами. Легкая, едва заметная, ухмылка на его лице, а моё, тем временем, приобрело оттенок спелой помидорки.

И я соскочила со стула, да так, что тот с грохотом свалился на пол. Банку с молоком к животу прижала:

– Простите... извините... я пойду, наверное... спасибо за молоко, – и свистанула из дома, только пятки сверкнули в проёме.

Блин, блин, блин! Вот это срам, а?! Пялилась на незнакомого, к тому очень голого парня. Причем пускала натуральную такую, густую слюну. Это ж почти измена Сашке. Не, ну не физически, конечно... а морально. Черт возьми, я только что хотела буквально слопать неизвестного парня. Ужас то какой, а?!

Выскочила на крыльцо и... нет, я не ткнулась носом в его грудь и он даже не преследовал меня.

Правда пока я неслась по их участку в сторону калитки, то все-таки глазом взглянула на него. Ну не могла я пролететь мимо «глазами в пол». Тут в пору поставить хэштег #девочкитакоедевочки.

И я взглянула... мельком там, на долю секундочки всего. Но этого хватило, чтобы заметить, как он, глядя на меня из под бровей, с улыбкой, намывает своё чертовски идеальное тело... мыльцем... господи, ну дай я тебя помою что ли?! Ну хоть бы одно плечико обвести этим мыльцем, а?! А лучше всего стать этим самым мыльцем. Ааааааа...!!!

Бегом из этого адова приемника сексгормонов. Бегом, сломя голову.

Как выскочила через калитку не помню. Как пробежала улицу не помню. Помню, как водрузила банку с молоком на стол, выдохнув бабуле:

– Больше ни ногой туда!

Бабуля, сидевшая за столом, резала легкий весенний салатик из какой-то травки, подняла на меня глаза:

– Завтра с утра снова за молоком, – сказала она, причем в утвердительной форме, – Сходишь?

– Та запросто, – согласилась я не раздумывая ни минуты... а что?!

Ой, да идите вы со своими «семейными устоями»... я же не в постель к нему иду. Я просто глазиком одним еще разок взгляну и всё. Честно! Всего разочек и всё.

...Просто переключить канал...

А вы бы смогли переключить своё внимание на что-то другое, если буквально час назад видели полуголого парня в душе? Хм? Думаю навряд ли.

После позорного побега с банкой молока, а далее умывания, чистки зубов и плотного завтрака в конце, бабуля пошла показывать мне свои владения, чтобы я воочию увидела, что же мы собираемся продавать.

Банька уже изрядно пообносилась, покосилась и держалась вообще на «добром слове». Входная дверь уже не закрывалась до конца, а открывалась вообще с жутким жалобным скрипом, словно молила о том, чтобы её, на старости лет, уже оставили в покое.

Внутри бани всё выглядело еще более плачевно. В «предбаннике» (как принято говорить) пол, местами, был просто сломан и из-под него просвечивала земля. Большое окно, которое выходило как раз на дом, уже давным-давно не мыто, а легкая тюль на нём, которая была когда-то ярко-зеленой, стала блекло-серой от постоянно светящего в неё солнышка. Колченогий стул валялся на боку в углу, зато стол рядом с ним был застелен чистенькой светло-розовой скатертью:

– К моему приезду подготовилась? – хихикнула я, кивнув на стол, в ответ получила злобный взгляд, хорошо хоть не затрещину.

Зашли в само святилище, где, собственно, и происходит омовение грязного тельца. Небольшое окошечко занавешено милой серо-желтой шторкой. По среди комнаты стоит здоровенный пластиковый таз зеленого цвета, а в нём вода. Клянусь... как бельмо на глазу. Зеленый тара с водой до краёв.

– Привнеси ясность в мой затуманенный мозг..., – начала я глядя на таз, – Почему таз стоит четко посередине?

– Держит баню в равновесии, – вполне серьезно пояснила бабуля, поправляя мочалки, которые висели на стене, – Не вздумай его сдвигать..., – пригрозила она мне.

– Ты сейчас не шутишь? – с сомнением протянула я, а мой мозг пытался нарисовать картину, что же будет, если таз убрать...

Баня вдруг начнет раскачиваться из стороны в сторону и конечном итоге опрокинется на бок или что?!

– Ни капельки, – покачала она головой.

В углу стояла печь, рядом чан с камнями «для жара». На стене рядом с печью еще один, висящий на гвоздике, железный таз, На соседней стене вместе с мочалками висели и пара ковшиков.

Стены в бане уже давным-давно потемнели, хотя что-то мне подсказывает, что они и не были особо светлыми никогда.

В общем, первый осмотр бани, только поубавил мой пыл в том, что домик уйдёт «с молотка». Это первое помещение в моём списке, из-за которого мне придется поднапрячься, чтобы продать дом. Слова «требуется ремонт» к этой бане явно не подходили, я бы написала так:

– Снести на хрен и построить новую.

Бабуля повернулась ко мне и нахмурилась:

– Чего задумалась? – спросила она.

Я подошла к ней и обняла:

– Не переживай, продадим твой домик, – заметила грусть в её глазах... но громкое...

– Баб Тась!!! – со двора, быстренько вернуло бабулю в боевой настрой, – Ты где? – добавил он в конце.

Слышу по голосу, что идёт сюда. Струхнула.

После утренней гонки в составе которой была только я, должно было пройти хоть немного времени, чтобы мы снова встретились с ним. Я и так выглядела очень глупо, а сейчас мне что делать? Черт, спрятаться бы куда-нибудь. Делаю шаг назад... За печку может? Нет, она маленькая и даже если я присяду, моя задница будет торчать оттуда, как мишень для снайпера со спанком, в роли которого сразу ясно представляется Кристиан, черт бы его побрал, Грей, блин... еще шаг назад... может в «предбанник» бежать, завернись там в гору тряпья и притворюсь старой фуфайкой? Нет, это глупо. Там нет столько тряпья, чтоб мне с ним слиться... еще шаг назад:

– Стой, окаянная! – слышу бабулин крик.

– О, так вы в бане что ли?! – слышу его приближающийся голос... и не удержавшись, спотыкаюсь за чертов тазик и с громким.

– Твою то...! – шлепаюсь задом четко в таз... брызги в стороны, будто сверху упал еще один таз с водой.

Сижу в холодной водичке, остываю. С носа капает вода, грязные пятки болтаются, а волосы превратились в патлы. Благо косметики не было, было бы забавно, этакий банный гомодрил принимает ванну... мыльца не хватает. Интересно, а каким он мыльцем мылся, а?! Эх, я прям представляю себе такой, знаете, аромат абрикоса... в купе с ароматом какого-то цветка. Господи, да чем бы он не мылся там, мне всё-равно... все-равно чем, лишь посмотреть на это еще разок. Честно. Словно взбесившаяся матка, черт подери.

Дунов вверх, сдвинула висевшую на носу прядь волос, попыталась встать, не получилось:

– Очень интересно, -услышала я его и вскинула голову.

– Чего ж тут интересного? – проворчала я, стараясь не смотреть в его глаза.

Чуть сдвинула в тазике зад, уперлась руками и «Хэть!»... попыталась встать, не вышло. Со стороны, наверное, походила на пьяную черепаху, у меня даже панцырь был в цвет, зеленый. Не, ну серьезно, попробуйте сесть задом в таз, а потом попробуйте из него вылезти. Это, я вам скажу, похлеще «Форд боярд» будет... то еще зрелище не для слабонервных.

– Ну чё ты встал-то, истукан! – гаркнула бабуля, – Помоги ей... мужик ты или так, на снегу пописано желтеньким??! – проворчала она вслед и толкнула его вперед ко мне.

Стоявший до этого в позе «нефигасебекартинка», опираясь плечом о косяк и сложив руки на груди, парень, оттолкнулся и направился в мою сторону.

Я застыла от ужаса, сидя в тазу, что сейчас находясь в положении «Тортилла мордой вверх», я коснусь его (то рукопожатие в счет не берем).

– Что ж, – подвел он итог, – Один-один, – сказал он с улыбкой, протягивая руку.

– К чему ты? – пропыхтела я, ухватываясь за его ладонь мертвой хваткой.

– Ты увидела меня утром, я увидел тебя сейчас, – сказал он и выдернул меня из этого тазика, словно сорняк из грядки.

Не рассчитав силы, я влетела прямо ему в его объятия. Сердце в груди сделало кульбит от радости и предвкушения. Странно, но на Сашку оно так не реагировало. Стою и сдвинуться с места не могу, только голову опустила, не смея посмотреть ему в глаза. Стыдно, чертовски стыдно.

Парень застыл, крепко прижимая меня к себе, а я только сейчас заметила, что бабуля ретировалась из бани, тактично оставив нас одних. Предательница, блин. А как же женская солидарность и моя незапятнанная девичья, в кавычках, честь? Где, в конце концов, рьяная защита внучки от домогательств непонятного парня.

А он стоит, не шелохнувшись, крепко прижимая меня к себе.

– Отличная кофточка, – сказал он тихо уверенным голосом.

О да, мать вашу... два-ноль, благодаря чертовой бежевой майке, которая будучи мокрой, облепила мои округлости.

Покраснела, как рак, вскинув голову, глядя ему в глаза.

А он, нагло и бесстыже рассматривал мои прелести и «верхом безобразия» стало то, что он облизнул нижнюю губу, не скрывая этого.

Обнаглевший макак.

Щелкнула пальцами перед его носом:

– Эй, – окрикнула его, ущипнув за плечо, – Переключи канал в своих мозгах с «порно» на «культуру», вернись на землю... я здесь, я не там, – уточнила я, показав сначала на своё лицо, а потом на грудь.

– Да, извини, -ухмыльнулся он и, ослабив хватку, отошел от меня на несколько шагов.

Сделала пару глубоких вдохов, чтобы восстановить дыхание, заметила его ухмылку:

– Чего ты улыбаешься? – спросила, поправила свою майку, отлепив её от груди, и направилась на выход.

– А что если я не хочу переключать канал? – вдруг проговорил он, а в этот момент схватив меня за руку, резко развернул к себе лицом.

Его ладонь плавно прошла по моей талии и застыла на пояснице. И он так близко. Мне показалось, что его шумный вдох втянул каждую частичку моей эмоции.

Ох уж эти эмоции! Они переполняли меня. Пальцы задрожали и я не знала куда деть собственные руки. А еще меня обуяла жуткая растерянность и, пожалуй, страх. Что я делаю? Я же сама позволяю ему находиться так близко к себе.

– Не хочу переключать..., – протянул он медленно, спускаясь взглядом на мою грудь, – Более того, я хочу узнать что же будет дальше по сценарию? Как закрутится поворот событий в фильме «восемнадцать плюс», – его голос обволакивал и сводил с ума.

– Нет, стой, – меня словно сковородой по голове стукнули, – Не надо этого делать.

– Чего? – спросил он, а сам не отодвинулся ни на сантиметр, да что уж там, даже ни на миллиметр.

– Хватит, -сказала твердо я, кладя ладони ему на грудь, в попытках отодвинуть его от себя, – Что за повадки у вас, деревенских, а?! Девочек в бане зажимать, – продолжила я, когда он дал мне вздохнуть свободно, отойдя от меня.

– Девочек в бане зажимать? – рассмеялся он, – Боже, ты чудо, девочка, – покачала он головой и вновь рассмеялся, – Во-первых, я тоже из города и к деду приехал всего несколько месяцев назад, а во-вторых, деревенские парни не зажимают, они сразу берут то, что хотят... и если ты, сейчас, не переоденешь свою майку, то я с превеликим удовольствием стану одним из них.

Покраснев как рак, прикрыла безобразие рукой и рванула на улицу. А он неспешной походкой направился следом за мной.

Бабули нигде не было и было странно, ведь такая деятельная старушка не может быть незаметной. Куда, интересно знать она слиняла...?

– Где бабуля? – спросила я сама себя, а Матвей шёл рядом.

– Может, убежала к кому? – спросил он.

– Может, – согласно кивнула ему в ответ, – А ты чего заходил-то? – остановилась я на крыльце.

– Так она сама позвала меня вчера, помочь с чем-то, – пожал он плечами, – Ладно, до встречи. Когда придёт, пусть зовёт, – кивнул он мне, направляясь к калитке.

– Ладно, – кивнула я ему в ответ, – До встречи.

– Пока, – и он вышел за калитку, а я направилась в дом переодевать майку.

Сделала два шага, переступив через порог и заорала так, что оглушила сама себя:

– Бабуля! – подлетела к, лежащей на полу, старушке, – Ба! Бабушка! Чего случилось?

Бледное личико бабули породило волну жара и страха во мне. Глаза закрыты, но она дышит. Лежит на полу в кухне, рядом валяется стул. Может, упала? Свернула чего?

– Господи, ба! – кричала я навзрыд, а слезы брызнули из глаз потоком, – Матвей! – осе-
нило меня и я рванула на улицу, горланя что есть силы, – Матвей!...Матвей!!! Господи, Мат-
вей!!! – меня трясло, как осиновый лист, пока я неслась к калитке, но парень оказался быстрее.

Волнение и удивление, гамма эмоций на лице. А схватила его за футболку и потащила
в дом:

– Там бабуля, она лежит, и я не знаю что делать?! Матвей, я не знаю что делать?! – орала я.

– Для начала не ори! – гаркнул он и рванул в дом, вперед меня.

Подскочил к бабуле и опустился на колени, приложил пальцы к шее:

– Пульс есть..., -кивнул он, вскинув на меня голову.

А я сидела на коленях рядом и тихонько выла со страху.

– Давай пулей ко мне, спроси у деда ключи от машины! – проговорил он, подсунул руки
под бабулю и легко поднял её на руки, -Чего ты встала?! – снова гаркнул он, – Быстро дуй
к деду! – скомандовал он.

И я подскочив, рванула через дорогу. Пулей влетела в дом, взглядом сразу наткнулась
на ключи с брелком и, схватив их, вылетела из дома.

Матвей уже стоял у машины с бабулей на руках.

...Сиротки...

Размазывая сопли по щекам, я вылетела из дома, следом за мной Иван Иванович.

Увидев бабулю без сознания на руках у Матвея, дед, сделав пару шагов с лестницы, схватился за сердце.

– Тасенька! – ахнул он и начал оседать на землю.

– Господи, дед, только ты не падай, я не унесу обоих! – крикнул Матвей, нахмутив брови.

Я подскочила к деду и помогла встать. Так мы, в обнимку, и доковыляли до машины.

– Я поеду с вами, – отрезал он и уселся на заднее сиденье, к бабуле.

Паника. Эта была сумасшедшая паника, когда он гнал по трассе на своем пикапе, а бабуля неподвижно лежала на заднем сиденье, заботливо укрытая пледом. А Иван Иванович поглаживал её ладонь, крепко сжимая её своими руками.

Паника, которая съедает все остальные чувства в тебе. Паника, которая убивает в памяти все хорошие воспоминания... паника, которая заставляет слезы течь по щекам непрерывно, одним сплошным потоком. Паника, из-за которой ты даже не замечаешь, как крепко он держит тебя за руку.

– Всё будет нормально, – это то, что он говорит постоянно с момента, когда мы тронулись.

На территорию больницы въехали с визгом. Въехали в первую попавшуюся клинику, как только оказались в городе.

Он на руках внес бабулю в приемное отделение. А дальше все мелькало и крутилось. Подоспевшие врачи, санитары. Спешка, волнение, страх, смешанный с этим бешеным движением, словно ты разворошил муравейник.

Матвей переложил бабулю на каталку.

– Ох, батюшки! – прохрипел Иван Иванович и упал на пол.

– Бл*ть! – красноречиво выдал Матвей и рванул к деду.

Снова копошение и на каталку положили второго, а мы с Матвеем остались в приемной одни.

Я села на диванчик и откинулась на стену. Мне нужна хоть какая-то опора, иначе я буду третьей, кто упадет на этот грязный пол.

В больнице стояла невыносимая жара, плюс жуткое волнение и страх за обоих пенсионеров, сделал своё дело. Меня затрясло... это, буквально, была паническая атака. Та самая, о которой я читала в книгах. Та самая, из-за которой темнеет в глазах, а в ушах стоит дикий гул.

– Слушай меня..., – сквозь вату в ушах слышу его голос, – Не теряй сознание..., – слышу его чуть громче.

Потом снова прикосновение к моей руке и он чуть сильнее сжимает пальцы. А потом касается моего лба, вытирая внезапно выступивший пот.

– Дыши глубже, – говорит он.

И дышу... дышу этим спёртым воздухом, который кажется мне слаще мёда.

– Дыши, – снова повторяет он.

Я постепенно прихожу в себя и больше не чувствую его руку на своей.

Он сидит напротив на корточках, так же как и я, подпирает стену спиной.

Мы сидели молча, лишь изредка переглядывались.

– У меня больше никого нет кроме него, – вдруг сказал Матвей, поднимая на меня глаза.

Похоже, я идиотка. Зациклилась только на своей бабуле, совершенно не подумав о нём. Признаться, я даже не вспомнила о дяде Ване, а ведь он его дедушка. Черт, я полная идиотка... круглая идиотка. Вела себя, как заносчивая девица, даже не подумав о том, что испытывает парень.

– Прости, – сказала ему, опустив голову со стыда.

– За что? – вроде бы удивился он, вскинув голову.

– За то, что вела себя, как идиотка... что не поддержала тебя...

Он лишь ухмыльнулся, а в это время из-за угла вывернул врач.

– Так, -попытожил крупный лысый доктор, -Кто у нас Зарецкие, а кто Малковы? – посмотрел он по очереди то на меня, то за Матвея.

– Зарецкий, – поднял он руку вверх, как в школе.

– Малкова, – повторила я его действия.

– Значит так, Зарецкий и Малкова, – хлопнул он в ладошки, – Бабуля с дедулей останутся пока у нас на недельку другую, – начал издалека.

– А что с ними? – влезла я, умышленно говоря об обоих родственниках, чтобы Матвей не подумал, что я беспокоюсь только за бабулю.

Парень, по-видимому, оценил, потому что мельком взглянул на меня удивленно.

– Не буду грузить вас медицинскими терминами, – отмахнулся дядька, – У бабули вашей, резкий скачок артериального давления, что в её возрасте вполне ожидаем. Но страшного ничего нет. Подержим недельки две в больнице, прокапаем капельницы и снова на волю, – улыбнулся добродушный доктор.

А с моей души свалился камень. Распахнула глаза от радости и готова была расцеловать доктора в его лысую макушку. Выглядело бы это эффектно, да.

– А с дедом что? – нервничал Матвей.

– С дедом тоже нормально всё. Струхнул дедуля за любимую женщину, вот прихватило. Кстати, его тоже оставим, на всякий случай. Пусть на пару отдыхают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.